

ИРИНА ВИТАЛЬЕВНА ТРЕСОРИКОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры византийской и новогреческой филологии филологического факультета

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

(Москва, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-8899-5716; itresir@mail.ru

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБЖОРСТВО» В ГРЕЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

А н н о т а ц и я . Представлено первое комплексное описание семантического поля «обжорство» в новогреческом языке в рамках лингвокультурологического и конструкционного подходов. Материалом послужили окказиональные лексемы и фразеологизмы, отобранные корпусным методом (применяется свод корпусов eTenTen) и проаннотированные по семантическим, образным и стилистическим параметрам. Анализируется радиально-зональная модель поля (ядерная зона, ближняя и дальняя периферии), показано, что ближняя и дальняя периферии представлены устойчивыми конструкциями и сравнительными оборотами. Продемонстрированы различные конструкции (в том числе конструкция $\tau\rho\acute{o}\omega$ / $\kappa\alpha\tau\epsilon\beta\acute{\alpha}\zeta\omega$ / $\rho\acute{\iota}\chi\nu\omega$ + X, где X функционирует как идиоматический квантификатор избыточности), проанализирована их семантика и прагматика. Показано, что в новогреческой языковой картине мира наличествует сопряжение телесной образности, культурных стереотипов и разговорной экспрессии, что подтверждается и результатами градуальной организации поля от ядра к периферии, продемонстрировано, что разговорная экспрессия и окказионализмы (типа $\nu\tau\epsilon\rho\lambda\iota\kappa\acute{\omega}\nu\omega$, $\sigma\alpha\beta\upsilon\rho\acute{\omega}\nu\omega$, $\chi\lambda\alpha\pi\alpha\kappa\acute{\iota}\alpha\zeta\omega$ и пр.) активно функционируют в современном узусе и влияют на норму, что требует систематизации их статуса, семантики и стилистической маркировки. Новизна исследования заключается в выявлении и формализованном анализе устойчивых конструкций, а также в создании аннотированного корпуса экспрессивных окказионализмов и фразеологических единиц на материале web-корпуса eTenTen. Сделан вывод о том, что разговорные выражения и окказионализмы оказывают влияние на формирование современного греческого дискурса, способствуя расширению и переосмыслению пищевого кода культуры. В результатах исследования уточняется механизм функционирования количественной гиперболы и образной метонимии и подтверждается продуктивность конструкционного анализа при описании фразеологических единиц.

К л ю ч е в ы е с л о в а : новогреческий язык, семантическое поле, пищевой код, экспрессивная лексика, грамматика конструкций

Д л я ц и т и р о в а н и я : Тресорикова И. В. Семантическое поле «обжорство» в греческой языковой картине мира // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2026. Т. 48, № 1. С. 90–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1270

ВВЕДЕНИЕ

Одной из основных задач лингвокультурологии является изучение способов репрезентации культуры [2: 107]. На современном этапе особый интерес представляет изучение языковых единиц как средств выражения этнокультурного сознания личности, поскольку, как известно, набор кодов культуры конечен и универсален для всего человечества [5: 79]. Антропологический подход к языку предполагает его изучение в неразрывной связи с человеком и культурой (Н. Ф. Алефиренко, Ю. Д. Апресян, Н. Д. Ару-

тюнова, В. Н. Телия и др.). В этой связи в языках возникает целый ряд различных образных средств, метафор, которые помогают человеку через призму своего восприятия передать картины окружающей действительности и формируют код культуры.

История еды неразрывно связана с историей человеческой цивилизации, так как продукты питания являются неотъемлемой частью и насущной потребностью жизни человека, и вопрос питания появляется на самом раннем этапе его развития. Прием пищи неотъемлемо

присутствует во всех областях межличностных и общественных отношений, с едой связаны важнейшие ритуалы и культы в человеческой жизни. «Еда – это важный фактор национального самосознания <...> и основной элемент идентичности: этнической, религиозной, социальной» [4: 11]. В современном обществе еда и все связанные с ней процессы и явления складываются в единую сему, метафору освоения окружающего мира, и процесс современной коммуникации все больше приобретает характер глотто-нический [7], то есть связанный с потреблением и поддержанием жизни.

Базовые метафоры образов еды и кухни присутствуют в менталитете всех народов мира и регулярно воспроизводятся в речи [8: 8]. Как пишут Н. П. Головницкая и А. В. Олянич:

«...питание неотъемлемо от сути и существования человека как вида. Прежде всего, это источник его жизни: именно поэтому весь окружающий человека материальный мир дихотомичен по признаку “съедобное – несъедобное”... Именно пища оказывается тем основанием, на котором выстраивается обширная парадигма человеческого мировосприятия и человеческой деятельности. Это означает, что данная область бытия не может не быть описана при помощи инструментов семиотики и, соответственно, языковыми знаками» [1: 9].

В свете антропоцентрического подхода к изучению языка такие образы и образные системы формируют так называемые коды культуры, которые представляют собой национально окрашенные «образные коды» [8: 83], выражающиеся при помощи совокупности языковых средств и регулярно воспроизводящиеся в речи. Образность в этом ключе понимается как

«лексико-семантическая категория, обобщающая свойство единиц лексико-фразеологического уровня, проявляющаяся в их способности обозначить определенное явление внеязыковой деятельности (предмет, свойство, процесс, ситуацию) в ассоциативной связи с другим, нетождественным обозначаемому, явлением на основе их реального или мнимого сходства посредством метафорической внутренней формы языковой единицы» [10: 40].

В этом свете для каждой культуры типовыми выступают образные представления, выражаемые через образы, формируемые из первичного значения слова и его вторичной интерпретации на основании сходства обозначаемых образов на основании реальных или мнимых характеристик этих образов: например, в греческих словосочетаниях *γλυκό τσάι* ‘сладкий чай’ – *γλυκό νερό* ‘пресная вода’ – *γλυκό χαμόγελο* ‘милая улыбка’ в первом случае прилагательное *γλυκός* употребляется в своем прямом значении ‘сладкий, содержащий сахар’, во втором случае обозначает

‘не содержащую соли’, то есть пресную воду, а в третьем употреблено в своем метафорическом значении ‘сладкий, то есть милый, приятный, вызывающий приятные ощущения’ (более подробно см. [6]).

Основой любого культурного кода является символ как «итог смыслового развития знака в культуре» [3: 211]. Символ, как пишет М. Л. Ковшова, – это знак «для устойчивого и регулярного воплощения ценностного содержания культуры, ее основных категорий и смыслов» [3: 211]. Фразеологические единицы (ФЕ) в лингвокультурологии играют важную роль, так как создают особую символизацию окружающего мира:

«Этот несколькословный языковой знак способен не только образно описывать происходящее, но и воплощать в себе устойчивые смыслы, которые являются частью семантики данного знака и извлекаются из него при употреблении фразеологизма в речи» [3: 197].

Действительно, именно ФЕ берут на себя функции по отображению и выражению материальной и духовной картины мира человека и нации в целом.

В данной статье мы рассматриваем семантическое поле «обжорство» на материале новогреческого языка. Объектом исследования является система языковых средств новогреческого языка, репрезентирующих сему «обжорство», предмет статьи – семантическая организация поля и конструкционные значения выявленных схем. Цели исследования: выявление и описание семантического поля в новогреческой языковой картине мира (ЯКМ), определение конструкционных моделей, посредством которых в новогреческом языке репрезентируется сему «обжорство», а также проведение лингвокультурологического анализа выражений и лексем, обозначающих обжорство. В этой связи особое внимание уделяется прагматике и стилистике компонентов поля, уточняются и переосмысливаются значения выявленных единиц и их механизмов, вводится аннотированный корпусный массив (по корпусам группы eTenTen¹ и примерам живого дискурса) с соответствующей параметризацией, что обеспечивает воспроизводимость процедуры и базу для последующих количественных сопоставлений.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБЖОРСТВО» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Исследование материала такого рода представляет собой часть более широкой проблематики анализа пищевого кода в ЯКМ. Обжорство в контексте пищевого кода выступает не просто как физиологический акт чрезмерного потребле-

ния пищи, но и как культурно маркированная категория, обладающая богатой образной и аксиологической окраской.

Материалом для данного исследования послужили отдельные лексемы и ФЕ, которые были собраны в результате корпусного анализа [11] и составляют 68 уникальных единиц (42 лексемы и 26 ФЕ). По итогам исследования было составлено семантическое поле, в полной мере отображающее сему «обжорство» в новогреческой ЯКМ, которое в количественном отношении можно представить в виде следующей таблицы.

Количественный состав
семантического поля

Quantitative composition
of the semantic field

Ядро	7 уникальных единиц
Околоядерная зона	6 уникальных единиц
Ближняя периферия	43 уникальных единицы
Дальняя периферия	12 уникальных единиц

Ядро семантического поля

Ядро поля формируют лексемы, непосредственно обозначающие явление обжорства, такие как *η λαίμαργία* ‘обжорство’, *η γαστριμαργία* ‘чревоугодие’, *η κοιλοδοουλεία* ‘чревоугодие’ (собственно определения обжорства), *ο λαίμαργος*, *ο γαστριμαργος* ‘обжора, прожорливый человек’, *το φαγοπότι*, *το τσιμπούσι* ‘пиршество, пирушка’; эти лексемы служат основной номинацией исследуемого явления и обладают высокой степенью семантической устойчивости.

Околоядерная зона

Околоядерную зону формируют глаголы-оказионализмы, которые по большей части являются недостаточными и не формируют полную парадигму как по лицам, так и по временным формам: *(γ)κουμουλώνω* ‘сжирать кучу еды’², *γουργουιάζω* ‘есть как свинья’, *καταβροχθίζω* ‘пожирать, заглатывать’, *ντερλικώνω* ‘жадно набивать пузо’³, *σαβουρώνω* букв. ‘закидывать балласт’, то есть закидывать в топку, *χλαπακιάζω* ‘уплетать, наворачивать с чавканьем’⁴. Стоит отметить, что в данном случае речь идет о просторечных экспрессивных окказионализмах, ср., напр.:

«Η τρούφα και γενικά τα μανιτάρια δεν είναι κοιλοδοουλεία. Αν είμαι κοιλοδόουλος πλακώνω τις μπριζόλες και τις παπάρες στην ντοματοσαλάτα και ντερλικώνω. Αυτές οι γεύσεις είναι μεγαλείο και εμείς που τις επιδιώκουμε, εν ζωιστές». ‘Трюфель и вообще грибы – это не чревоугодие. Уж если я – чревоугодник, то налегаю на стейки и на «папару» (размоченный хлеб) в салате из помидоров, и объеда-

юсь до отвала. Эти вкусы великолепны, а мы, алчущие их, – бонвиваны’⁵ (здесь и далее перевод выполнен автором работы).

«Δεν καπνίζω, δεν πίνω αλλά παράλληλα δεν αθλούμαι [περπατάω ωστόσο πάρα πολύ] και δε μπορώ να πω πως προσέχω ιδιαίτερα τη διατροφή μου [ότι βρω, σαβουρώνω]». ‘Я не курю, не пью, но при этом и не занимаюсь спортом [зато очень много хожу пешком] и не могу сказать, что особенно слежу за питанием [жру что ни попадя]’.

«Ο άντρας δεν ασχολείται καθόλου με το νοικοκυριό. Το τρίπτυχό του είναι: δουλειά-καναπές-ποδόσφαιρο. Δεν δίνει καμία σημασία και δεν ρωτάει αν χρειάζομαι βοήθεια, αν κουράζομαι, αν τα παιδιά τον ζητάνε. Με το που γυρνάει βγάζει παπούτσια, πλένει χέρια, χλαπακιάζει ό, τι βρει και στρογγυλοκάθεται στο σαλόνι για κανέναν αγώνα». ‘Муж совсем не занимается домом. Его «святая троица»: работа – диван – футбол. Он не обращает никакого внимания и не спрашивает, нужна ли мне помощь, устаю ли я, зовут ли его дети. Стоит ему вернуться, тут же разувается, моет руки, уплетает все, что найдет, и усаживается в гостиной смотреть какой-нибудь матч’.

Ближняя периферия

В ближнюю периферию входят ФЕ типа *είμαι γερό πιρούνι / κουτάλι / ποτήρι* ‘быть сильной вилок / ложкой / стаканом’, то есть есть или пить много; *κατεβάζω / ρίχνω γατοκέφαλα* букв. ‘спускать / бросать кошачьи головы (то есть большие куски пищи)’, то есть заглатывать не жуя; *τρώω ένα αρνί / ένα βόδι στην καθισιά* ‘съесть барана / быка в присест’, то есть уминать что-либо в один присест; ФЕ, сформированные по схеме *τρώω / κατεβάζω / ρίχνω X*, где актант X заполняется такими лексемами, как *τον αβλέμονα* ‘необозримое количество еды’⁶, *τον αγλέουρα* ‘эуфорбия, морозник’⁷, *τον άμπακο* ‘разделочная доска’⁸, *άντερο* ‘кишка’, *τ’αντερό μου* ‘моя кишка’, *το καταπέτασμα* ‘занавесь алтаря, (метаф.) юбка скатерти’, *τον περίδρομο* ‘паронихия’, *του σκασμού* ‘до лопанья’.

В данном случае мы отмечаем метонимию инструмента (емкость / умение есть): *είμαι γερό πιρούνι*, букв. ‘я – крепкая / сильная вилка’ → ‘обжора, человек с отменным аппетитом’, то есть происходит перенос и сдвиг от предмета-орудия (вилка) к свойству самого агента – умение и привычка много есть.

Кроме того, присутствует своего рода беспорядочное и недифференцированное потребление пищи: актантами при глаголах являются *γατοκέφαλα* ‘кошачьи головы’ → ‘большие куски пищи’ → ‘неразборчивость в потреблении пищи’ или же ядовитый морозник (*αγλέουρας*), доска (*άμπακος*) или паронихия (*περίδρομος*), что создает гиперболизированный образ, так как нарушаются так называемые селекционные ограничения на съедобность. Используемые глаголы (от

нейтрального *τρώω* 'есть' до *κατεβάζω* 'спускать', *ρίχνω* 'бросать', которые в данном случае приходят из других семантических полей) семантически добавляют компонент скорости / жадности в потреблении пищи (то есть «глотать не пережевывая», а не только «много»).

Выявляется количественная гипербола через «целых животных»: *τρώω ένα αρνί / ένα βόδι στην καθησιά* 'съесть барана / быка в один присест', что создает сему чрезмерного количества употребляемой пищи.

Все ФЕ в конструкции *τρώω / κατεβάζω / ρίχνω* X реализуют устойчивую схему [*τρώω* + Асс_{NP}], где X является идиоматическим квантификатором избыточности. Актанты X синтаксически обозначают объект, но семантически не референтны, так как по сути не обозначают еду, а лишь кодируют меру / степень ('очень много'). При этом глагол *τρώω* дает базовую рамку «интенсивного потребления пищи», а объект X означает некую меру / количество, в результате формируется конструкционное значение: 'есть очень много / до отвала', причем зачастую такие ФЕ используются в речи с оттенком «перебора» и самоиронии / порицания, ср., напр.:

«*Τρώω τον άμπακο, ρέβομαι με θόρυβο κι άμα είμαι χορτάτος το ρίχνω στον ύπνο. Μ' αρέσει η τεμπελιά και να τρομάζω τους άλλους με το βρυχημό μου. Θέλω όλοι να με υπηρετούν και να με θαυμάζουν!*» 'Жру без меры, громко рыгаю, а как наемся – валюсь спать. Люблю лентяйничать и пугать других своим рыком. Хочу, чтобы все мне служили и мной восхищались!'

«*Μέχρι να γίνει η Δευτέρα Παρουσία εγώ θα είμαι Αμερική κι εσύ Ρωσία θα κάνω τρέλες και θα τρώω το καταπέτασμα κι εσύ θα λιώνεις και θα κλαις στο παραπέτασμα*». 'Пока не наступит Второе пришествие, я буду Америкой, а ты – Россией: я буду чудить и жрать без разбору, а ты будешь изнывать и плакать за занавеской'.

Таким образом, в ближней периферии мы отмечаем, что дифференцируются характерологическая метонимия (*γερό πιρούνι*), метафора быстрого и неразборчивого потребления пищи (*κατεβάζω γατοκέφαλα*), гиперболы количества с делимитаторами (*ένα αρνί / βόδι στην καθησιά*), квантификаторы (*τον άμπακο, τον αγλέουρα, τον αβλέμονα, το καταπέτασμα, τον περίδρομο, του σκασμού*); со стилистической точки зрения все компоненты ближней периферии включаются в просторечия с высокой экспрессивностью, при этом активно маркируется степень превышения определенной нормы.

Дальняя периферия

В дальнюю периферию мы включили ФЕ, которые обозначают последствия или дают оцен-

ку чрезмерному питанию: *τρώω μέχρι σκασμού* 'наедаться до лопания', *σκάω από το φαγητό* 'лопаюсь от еды', *φουσκώνω σαν μπαλόνι* 'раздуваюсь как шар', *τρώω σαν λύκος / σαν γουρούνι* 'ем как волк / свинья', *δεν έχει πάτο το στομάχι μου* 'у моего желудка нет дна', *μου φεύγει το σαρόνι στο φαΐ* 'у меня челюсть отваливается от еды'.

Эти выражения носят образный характер, часто основаны на гиперболе и зооморфных сравнениях и укладываются в две базовые метафоры ТЕЛО-КОНТЕЙНЕР / ДАВЛЕНИЕ как переедание = переполнение, вздутие, разрыв (см. напр. *σκασμός* 'лопание', *σκάω* 'лопаться', *φουσκώνω* 'надуваться'). При этом присутствует и зоосемия: «есть как [животное]», что обозначает несдержанность в еде или жадность (*σαν λύκος* 'как волк', *σαν γουρούνι* 'как свинья').

С точки зрения прагматики эти ФЕ имеют оценочный характер и представляют собой ироничную оценку, маркирующую выход за норму и/или способ еды.

Так, *τρώω μέχρι σκασμού* 'наедаться до лопания' создает значение достигнутого физиологического предела, при этом глагол чаще всего стоит в форме аориста (прошедшего времени совершенного вида), и такая результативность усиливает эффект «переполнения» и «избытка», ср., напр.: *Χτες έφαγα μέχρι σκασμού και δεν κοιμήθηκα καλά* 'Вчера я обжорлся и плохо спал'.

Такая же сема выявляется и в ФЕ *σκάω από το φαγητό* 'лопаюсь от еды' и *φουσκώνω σαν μπαλόνι* 'раздуваюсь как шар', где присутствуют динамика внутреннего давления и риск «лопнуть», что создает значение не только количества, но и испытываемого дискомфорта и мучений от переедания, ср. напр.:

«*Δεν ξέρω για σας, όμως εγώ αισθάνομαι φουσκωμένη σαν μπαλόνι μετά τις γιορτές. Έπεσαν καπάκι και τα κρύα και βρήκα την τέλεια δικαιολογία για να συνεχίσω την αυτοκαταστροφή με λίαν θερμιδοφόρα γεύματα, αλκοόλ και σοκολάτες, όλα αυτά κουκουλωμένα στον καναπέ, σε μια κατάσταση σαν χειμερία νάρκη*». 'Не знаю, как вы, а я после праздников чувствую себя раздутой, как шарик. К тому же ударили холода, и я нашла идеальное оправдание продолжать самоуничтожение высококалорийными блюдами, алкоголем и шоколадом, и все это – закутавшись на диване, в состоянии почти зимней спячки'.

Зоосравнения акцентируют внимание на быстром и жадном поглощении пищи (*τρώει σαν λύκος*) или на неопрятности и отсутствии манер (*τρώω σαν γουρούνι*).

Экспрессивная гипербола в ФЕ *δεν έχει πάτο το στομάχι μου* 'мой желудок не имеет дна', *μου φεύγει το σαρόνι στο φαΐ* 'у меня челюсть отваливается от еды' создает онтологическую беско-

нечность вместилища (отрицание + *πάτος* ‘дно’) и, как следствие, обозначает неисчерпаемую способность потреблять пищу или же утомление челюстей от длительного и интенсивного жевания.

Все вышеописанные ФЕ используются в разговорном стиле и обозначают количество потребляемой пищи (*μέχρι σκασμού, δεν έχει πάτο*), скорость или манеры (*σαν λύκος, σαν γουρούνι*), состояние после потребления пищи (*σκάει από..., φουσκώνω...*).

Таким образом, ФЕ, включаемые в дальнюю периферию, расширяют семантическое поле «обжорство» за счет консеквентных (последствия) и оценочных значений, так как ядром их значения являются телесная метафорика переполнения и зооморфные сравнения, а с точки зрения синтаксиса мы выявляем адвербиальные кванторы предела (*μέχρι σκασμού*), причинные конструкции (*σκάω από...*) либо сравнительные обороты (*σαν Χ*).

ВЫВОДЫ

Семантическое поле «обжорство» в новогреческом языке имеет радиально-зональную структуру, в ядро включаются лексемы прямой номинации (*λαίμαργία, γαστριμαργία, λαιμάργος, γαστριμαργός, φαγοπότι, τσιμπούσι*), околядерную зону составляют разговорные экспрессивные окказиональные глаголы (*ντερλικώνω, σαβουρώνω, χλαπακιάζω, καταβροχθίζω* и др.) и ФЕ.

В ближней периферии доминирует конструкция *τρώω / κατεβάζω / ρίχνω + Χ*, где *Χ* является идиоматическим квантификатором избыточности (*τον άμπακο, τον αγέουρα, τον αβλέμονα, το καταπέτασμα, τον περίδρομο, τον σκασμού*). Синтаксически *Χ* представляет собой объект, но семан-

тически – это нереферентный измеритель меры, кодирующий «очень много / до отвала»; кроме того, здесь же отмечается конструкционное значение «эксцесс потребления».

ФЕ ближней периферии реализуют разные образные механики: метонимию инструмента (*είμαι γερό πιρούνι*), гиперболу скорости и жадности потребления пищи (*κατεβάζω / ρίχνω γατοκέφαλα*), а также количественную гиперболу (*τρώω ένα αρνί / βόδι στην καθησiά*). Стоит отметить, что именно в ближней периферии выявлено наибольшее количество лексем и ФЕ с семантической «обжорство как процесс».

Дальняя периферия кодирует последствия и/или социальную оценку эксцесса, при этом семантика ФЕ опирается на две базовые метафоры: ТЕЛО-КОНТЕЙНЕР / ДАВЛЕНИЕ (переполнение, вздутие, «лопнуть») и ЗООСРАВНЕНИЕ (несдержанность / неопрятность).

С прагматической точки зрения поле создает сему нарушения нормы питания и манер поведения во время принятия пищи: так, лексемы и ФЕ маркируют «перебор», «ненадлежащую быстроту», эффект «достигнутого предела» и пр.

При анализе был использован конструкционный подход, так как устойчивость конструкции *τρώω Χ* позволяет провести интеграцию разнородных квантификаторов в одно значение ‘есть чрезмерно’.

Полученная модель семантического поля демонстрирует, как языковой код еды в новогреческом сопрягает телесную образность, культурные стереотипы и разговорную экспрессию, формируя устойчивую метафорическую систему с прозрачной градуацией от ядра к периферии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ eITenTen. Web corpora [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://app.sketchengine.eu> (дата обращения 01.10.2025).

² Этимологически этот окказиональный глагол возводится к латинскому *cumulus* ‘куча’.

³ Этимологически этот окказиональный глагол восходит к турецкому *dirlik* ‘богатство’.

⁴ Этимологически этот окказиональный глагол является звукоподражательным и восходит к междометию *χλαπ*, которое обозначает чавканье за едой.

⁵ Все цитаты приводятся по корпусу текстов eITenTen (eITenTen. Web corpora [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://app.sketchengine.eu> (дата обращения 01.10.2025)).

⁶ Этимологически *αβλέμονας* (*αβλέμοντας*) происходит из *a privativum + βλέμμα*, то есть обозначает ‘огромное количество, которое невозможно охватить взглядом’ [11].

⁷ Этимологически др.-гр. *έλλέβωρος* > **ελέβωρος* ([ο > u]) > **αλέβωρος* > **αέλουρος* > *αγέουρας* [12]. По одной из версий, это растение морозник (*helleborus cyclophyllus*), которое вызывает головокружение, если его понюхать, на вкус оно горькое и приводит к спазмам [12]. По другой версии, *αγκέουρας* – это народное название растения *ευφόρβιος* (*euforbium*), а в древнегреческом языке *ευφορβία* обозначало переизбыток [ср. Lid. Sc.394/2 Sofokl. 727].

⁸ Этимологически *άμπακος* представляет собой обратное заимствование через итальянский *abbaco* древнегреческого *άβαξ* ‘абак, доска для арифметических действий’. Кроме того, *άμπακος* в народе назывался первый учебник арифметики, написанный на греческом языке Эммануилом Глинзониу и изданный во времена

турецкого владычества в Венеции в 1568 году и переизданный в 1724 году в расширенной версии. Этот учебник, по мнению простых людей, был своеобразной кладью мудрости, откуда и появилось выражение *ξέρει τον άμπακο*. Позднее, уже в конце XIX века, слово *άμπακος* стало обозначать ‘большое (и даже чрезмерное) количество’, откуда в 1920-х годах и возникло выражение *τρώω (πίνω) τον άμπακο* (*Σαραντάκος Νίκος*. Blog [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sarantakos.wordpress.com> (дата обращения 01.10.2025)).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головницкая Н. П., Олянич А. В. Лингвокультурные характеристики немецкоязычного гастрономического дискурса. Волгоград: ИНК ФГОУ ВПО ВГСХА «Нива», 2008. 295 с.
2. Капелюшник Е. В. «Сладкое» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля еда / пища) // Язык – текст – дискурс: традиции и новации. Ч. 1. Самара, 2009. С. 106–114.
3. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры. М.: URSS, 2012. 453 с.
4. Павловская А. В. Нужна ли нам наука о еде? // Еда и культура. По материалам I Международного научно-практического симпозиума «Традиционная культура в современном мире. История еды и традиции питания народов мира». 30 октября – 1 ноября 2014 г. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2015. С. 7–14.
5. Пименова М. В. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК. Вып. 5. Ставрополь: Изд-во ПГЛУ, 2007. С. 79–86.
6. Тресорукowa И. В. Пищевой код греческой фразеологии: фитоним «огурец» // Вестник Томского университета. Филология. 2018. № 53. С. 98–110. DOI: 10.25970/2418-9236_2023_1_40
7. Щербинина Ю. В. Дикта(н)т еды // Нева. 2012. № 7. С. 221–230.
8. Юрина Е. А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. № 3. 2008. С. 83–93.
9. Юрина Е. А. Образная лексика русского языка. Ч. II. Пищевой код культуры в образном строе языка: Учеб. пособие. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2015. 132 с.
10. Юрина Е. А. Образность в системе лексико-семантических категорий языка // Вестник Томского государственного университета: Бюллетень оперативной научной информации. 2004. № 32. С. 25–58.
11. Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Ετυμολογικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε. Αθήνα, 2010. 1674 σ.
12. Σαραντάκος Νίκος Τα λόγια του αέρα. Αθήνα: Εκδόσεις του Εικοστού Πρώτου, 2013. 312 σ.

Поступила в редакцию 09.10.2025; принята к публикации 08.12.2025

Original article

Irina V. Tresorukova, Cand. Sc. (Philology), Associate Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-8899-5716; itresir@mail.ru

THE “OVEREATING” SEMANTIC FIELD IN THE GREEK LINGUISTIC WORLDVIEW

Abstract. The article deals with the semantic field of “overeating” in Modern Greek within an integrated linguo-cultural and construction-grammatical framework. The dataset comprises occasional lexical formations and phraseological units extracted through corpus analysis (from the elTenTen web corpora) and subjected to annotation for semantic, imagistic, and stylistic parameters. In the radial-zonal model, where we distinguish core, near-peripheral, and far-peripheral strata, we show that the peripheral strata are predominantly instantiated by stable constructions and comparative patterns. Particular attention is paid to construction’s templates *τρώω / κατεβάζω / ρίχνω + X*, in which *X* functions as an idiomatic quantifier of excess; the template’s semantic and pragmatic profiles are analyzed. The findings indicate a systematic interlacing of bodily imagery, culturally entrenched stereotypes, and colloquial expressivity in the Modern Greek linguistic worldview, as reflected in the field’s graded organization from core to periphery. Furthermore, it is demonstrated that colloquial expressions and occasionalisms (e. g., *ντερλικώνω, σαβουρώνω, χλαπακιάζω*, etc.) exhibit robust productivity in contemporary usage and exert normative pressure, thereby motivating a refined description of their status, semantics, and stylistic marking. The novelty of this research is twofold: first, the identification and systematic analysis of stable constructions, and second, the development of an annotated corpus of expressive occasionalisms and phraseological units derived from the elTenTen web corpora. The findings suggest that colloquial and occasional expressions play a significant role in shaping modern Greek discourse, contributing to the expansion and reinterpretation of the cultural food code. The results elucidate the mechanisms behind the use of quantitative hyperbole and figurative metonymy, affirming the effectiveness of construction-based analysis in describing phraseological units.

Key words: Modern Greek, semantic field, food code, expressive vocabulary, construction grammar

For citation: Tresorukova, I. V. The “overeating” semantic field in the Greek linguistic worldview. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2026;48(1):90–96. DOI: 10.15393/uchz.art.2026.1270

REFERENCES

1. Golovnitskaya, N. P., Olyanich, A. V. Linguocultural characteristics of German-language gastronomic discourse. Volgograd, 2008. 295 p. (In Russ.)
2. Kapelyushnik, E. V. The “sweet” in the culinary code of culture (an analysis of lexical units from the figurative semantic field of “food”). *Language – text – discourse: traditions and innovations*. Part 1. Samara, 2009. P. 106–114. (In Russ.)
3. Kovshova, M. L. The linguoculturological method in phraseology: Codes of culture. Moscow, 2012. 453 p. (In Russ.)
4. Pavlovskaya, A. V. Do we need food science? *Food and culture. Proceedings of the I International Academic and Practical Symposium “Traditional Culture in the Modern World. History of Food and Food Traditions of the Peoples of the World”* (30 October – 1 November 2014). Moscow, 2015. P. 7–14. (In Russ.)
5. Pimenova, M. V. Codes of culture and the problem of concepts classification. *Language. Text. Discourse: Scholarly almanac of the Stavropol Branch of RALK*. Issue 5. Stavropol, 2007. P. 79–86. (In Russ.)
6. Tresorukova, I. V. The food code of Greek phraseology: the phytonym “cucumber”. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2018;53:98–110. DOI: 10.25970/2418-9236_2023_1_40 (In Russ.)
7. Shcherbinina, Yu. V. The food dictation. *Neva*. 2012;7:221–230. (In Russ.)
8. Yurina, E. A. Lexico-phraseological field of culinary images in the Russian and Italian languages. *Language and Culture*. 2008;3:83–93. (In Russ.)
9. Yurina, E. A. Figurative vocabulary of the Russian Language. Part II: The food code of culture in the figurative system of the language. Tomsk, 2015. 132 p. (In Russ.)
10. Yurina, E. A. Figurativeness in the system of lexico-semantic categories of language. *The Vestnik of Tomsk State University: The Bulletin for Operating Scientific Information*. 2004;32:25–58. (In Russ.)
11. Μπαμπινιώτης Γ. Δ. Ετυμολογικό Λεξικό της Νέας Ελληνικής Γλώσσας. Κέντρο Λεξικολογίας Ε.Π.Ε. Αθήνα, 2010. 1674 σ.
12. Σαραντάκος Νίκος Τα λόγια του αέρα. Αθήνα, 2013. 312 σ.

Received: 9 October 2025; accepted: 8 December 2025